
«ВЫТЯНУТЫЕ» ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА В КАРПАТО-ДНЕСТРОВСКОМ РЕГИОНЕ

Игорь Манзура

Подкурганские погребения с вытянутым на спине положением скелетов, предшествующие катакомбной культуре, до настоящего времени представляют собой одно из наименее изученных явлений в Карпато-Днестровском регионе. Они составляют крайне немногочисленную и в силу очевидного своеобразия достаточно обособленную региональную группу древностей в пределах энеолита и начала бронзового века. До сих пор в литературе существуют весьма противоречивые мнения относительно их происхождения, хронологической позиции, культурной принадлежности, таксономического статуса и т.п. В границах рассматриваемого региона на сегодняшний день известно около сорока погребений данного типа. Они сравнительно равномерно распространены в пространстве между Карпатами и Днестром, но наибольшая их концентрация наблюдается на Нижнем Пруте и Дунае с прилегающими районами дунайских озер (рис. 1). Аналогичные комплексы встречаются и в лесостепной зоне Карпато-Поднестровья, то есть в ареале культуры Кукутевь-Триполье.

Судя по курганной стратиграфии и некоторым другим признакам, хронологический диапазон вытянутых погребений, по-видимому, является довольно протяженным и может охватывать промежуток от раннего энеолита до периода ранней бронзы включительно. В культурном отношении наиболее древние комплексы обычно отделяют от типологически сходных захоронений балкано-дунайских культурных объединений (Хаманджия, Боян, Дудешть) и связывают с погребальными традициями культур мариупольской или днепродонецкой культурно-исторической области. В свою очередь более поздние подкурганские погребения с вытянутыми скелетами принято соотносить с позднеэнеолитическими культурами Азово-Днепровского региона или рассматривать в рамках ямной культуры. Следует отметить, что такое культурно-хронологичес-

кое членение вытянутых захоронений основывается, главным образом, на стратиграфических данных, тогда как их типологические различия, как правило, менее всего принимаются во внимание. Вследствие этого подхода иногда проводится резкая грань между доямыми комплексами независимо от их типологического своеобразия и памятниками времени ямной культуры (Субботин 1991, 72; Ванчугов и др. 1992, 63). Между тем, стратиграфические свидетельства, взятые в совокупности с типологическими показателями похоронного ритуала и инвентаря, вполне способны раскрыть некоторые закономерности в распределении всего массива вытянутых захоронений и выявить определенные тенденции в развитии этой погребальной традиции.

Основополагающим признаком, на базе которого пытались разграничить исследуемые памятники, является форма погребальной камеры. Именно этот признак в сочетании со стратиграфическим положением могил, несмотря на скептическое отношение к нему некоторых исследователей (Rassamakin 1999, 116), до сих пор остается наиболее информативным в плане культурно-хронологических определений, прежде всего, для Карпато-Днестровских земель, где инвентарные погребения с вытянутыми скелетами почти полностью отсутствуют. Эти показатели могут дополняться такими элементами, как ориентировка умерших, наличие или отсутствие охры и лишь в исключительных случаях особенностями погребального инвентаря. С другой стороны, некоторые черты погребальной практики вряд ли могут учитываться при анализе, так как зачастую или широко варьируют в пределах одной и той же культурной группы, как, например, характер могильного перекрытия, либо выступают универсальным атрибутом различных культурных подразделений, в частности, остатки растительной подстилки на дне погребальных камер.

Рис. 1. Распространение погребений с вытянутыми скелетами периода энеолита и начала бронзового века в Северо-Западном Причерноморье: 1 - Корлэтенъ; 2 - Лунгочь-Фундень; 3 - Думень; 4 - Вэратик; 5 - Дуруитоаря Ноуэ; 6 - Бурсучень; 7 - Петрешть; 8 - Сэрэтенъ; 9 - Крихана Веке; 10 - Етулия; 11 - Казаклия; 12 - Огородное III; 13 - Кубей; 14 - Болград; 15 - Новосельское; 16 - Суворово; 17 - Холмское; 18 - Десантное; 19 - Арциз; 20 - Белолесье; 21 - Новоселица; 22 - Траповка; 23 - Вишневое; 24 - Кочковатое; 25 - Желтый Яр; 26 - Окница; 27 - Тимково; 28 - Красное; 29 - Бэлэбэнешть; 30 - Талмаз; 31 - Никольское.

По своим очертаниям и пропорциям могильные ямы с вытянутыми скелетами можно разделить на три ведущих типа. Первый тип представлен камерами овальной формы или подпрямоугольными ямами с сильно закругленными углами, то есть близкими к овалу, с соотношением длины и ширины приблизительно 1:2. Ко второму типу относятся узкие продолговатые ямы, в которых соотношение длины и ширины примерно равняется 1:3. Третий составляют собственно прямоугольные камеры больших размеров с четко выделенными углами.

Вытянутые захоронения в просторных овальных ямах (рис. 2/3, 5, 7, 8, 10) характеризуются довольно стандартизированным набором признаков. Подавляющее большинство погребенных ориентировано головой в восточном секторе. Лишь в двух случаях была отмечена западная ориентировка, в погребениях Десантное 1/17 (Алексеева 1976, 183) и, возможно,

Холмское 5/7а, если оно действительно относится к энеолитическому периоду (Черняков и др. 1986, 86). В качестве могильного перекрытия в равной мере использовались деревянные плахи или каменные плиты, иногда в комбинированном виде. Охра выявлена почти во всех захоронениях, однако интенсивность ее употребления варьировала от сплошного покрытия останков погребенного и дна могилы до незначительной выборочной окраски отдельных частей тела. Следует отметить, что только с этой группой погребений соотносятся каменные кромлехи или ограды.

Стратиграфическое положение данной группы могильных комплексов в курганах выглядит следующим образом. В одном случае, в кургане 2 у с. Сэрэтенъ, подобное погребение предшествует комплексу, относящемуся к позднему энеолиту (Levițki et al. 1996, 32). Довольно часто погребения в овальных ямах стратиграфически перекрываются могилами ямной

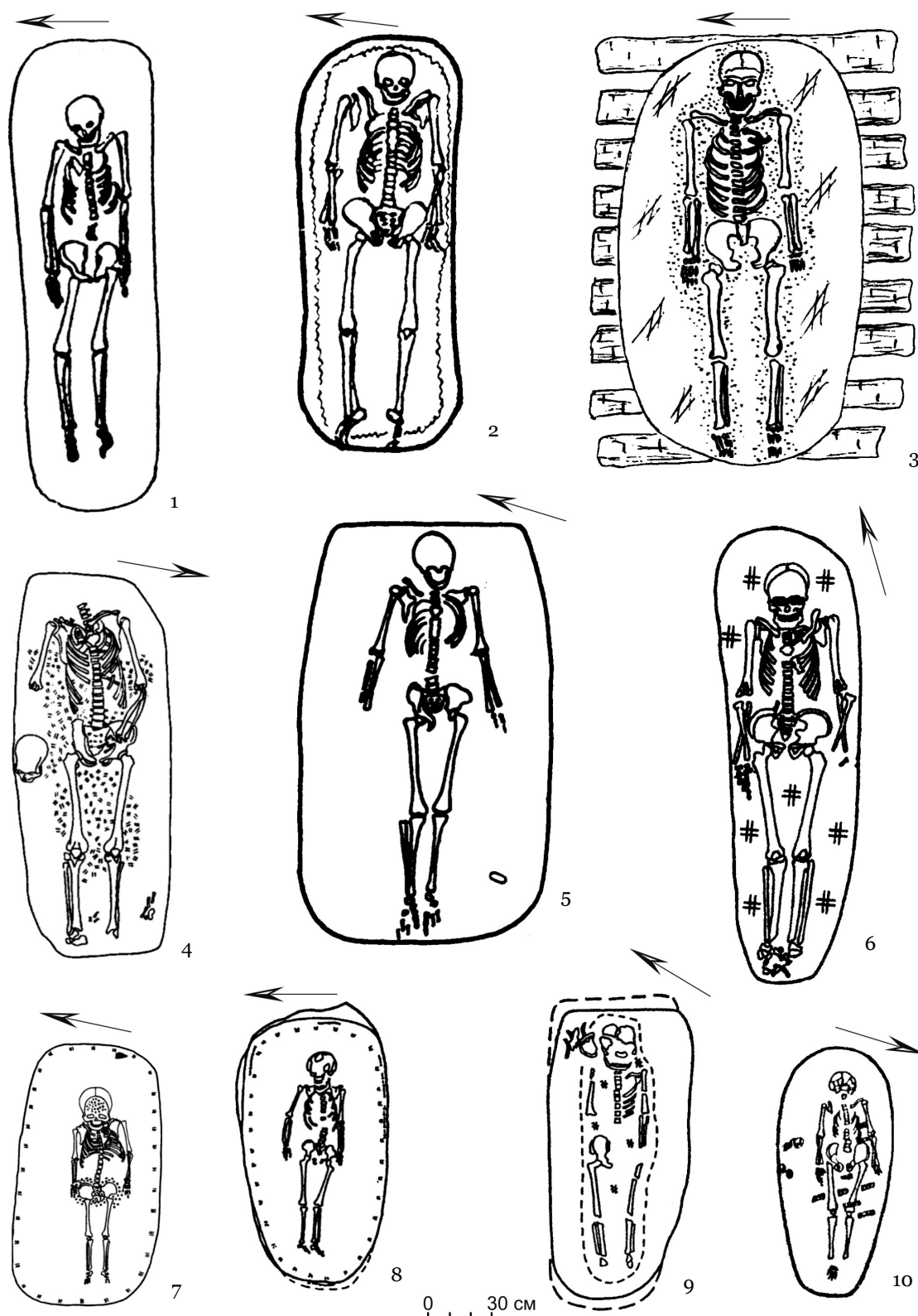

Рис. 2. Погребения с вытянутыми скелетами эпохи энеолита и начала бронзового века в Северо-Западном Причерноморье: 1 - Огородное Ш, 1/12; 2 - Тимково, 1/5; 3 - Етулия, 1/14; 4 - Окница, 7/14; 5 - Вишневое, 11/10; 6 - Никольское, 8/7; 7 - Окница, 6/24; 8 - Сэрэтьень, 2/3; 9 - Кагул, 1/15; 10 - Кочковатое, 30/2 (1 - по Субботин и др. 1984; 2 - по Островерхов и др. 1993; 3 - по Борзияк 1984; 4, 7 - по Манзура и др. 1992; 5 - по Дворянинов и др. 1985; 6 - по Агульников, Савва 2004; 8 - по Levițki și al. 1996; 9 - по Agulnikov, Pașa 2008; 10 - по Ванчугов и др. 1992).

культуры, причем не только позднейшими, но и наиболее ранними для Карпато-Днестровских земель. В Северо-Западном Причерноморье особенно показательны в этом плане погребения 1/15 у с. Этулия II (Борзияк 1984, 85-86), окруженное оградой из массивных плит. В насыпь над этим погребением было впускено ямное захоронение, отличавшееся настолько архаичными чертами, что было даже причислено к раннеэнеолитическому времени (Дергачев 1986, 69). Кроме Этулии в Северо-Западном Причерноморье аналогичная ситуация была прослежена для погребений Десантное 1/17 (Алексеева 1976, 183), Вишневое 11/10 (Дворянинов и др. 1985, 139-140), Крихана Веке 1/14, 15 (Agulnikov, Paşa 2008, 30-31) и Новосельское 1/1 (Rassamakin 2004/II, 62). Такое же стратиграфическое соотношение засвидетельствовано и в лесостепной зоне Карпато-Днестровского региона, например, в Окнице 6/24 (Манзура и др. 1992, 65). Во всех указанных случаях стратиграфическое соотношение основных вытянутых и впускных ямных захоронений было определено вполне достоверно.

Наряду с основным положением в курганах захоронения в овальных камерах иногда занимали и более позднюю стратиграфическую позицию по отношению к погребальным комплексам позднего энеолита. Достаточно надежно такая стратиграфическая взаимосвязь была прослежена для погребения Кочковатое 30/2 (Ванчугов и др. 1992, 25-28). Подобная ясность отсутствует в некоторых других курганных памятниках, особенно там, где помимо энеолитических скорченных и вытянутых погребений содержались захоронения позднетрипольского периода. Так, в центральной части кургана 9 у с. Красное имело место довольно сложное наложение одновременных энеолитических и ямных захоронений (Серова, Яровой 1987, 79-81), в результате чего точную позицию коллективного погребения 9 с вытянутыми костяками, вопреки утверждениям авторов, установить не удалось (Манзура и др. 1992, 86-87). В сложно стратифицированном кургане 1 у с. Холмское также наблюдаются противоречия в оценке положения вытянутого погребения 9, которое обозначалось то как впускное в первоначальный энеолитический курган, то как совершенное с уровня вто-

рой насыпи над усатовским захоронением 12 (Черняков и др. 1986, 57, 65).

Крайней противоречивостью отличается информация о погребении 17 кургана в Арцизе. В первоначальной публикации (Алексеева 1976, рис. 2/1) форма могильной камеры показана как прямоугольная с сильно закругленными углами, то есть близкая к овалу. В другой, более поздней, публикации яма имеет уже четко обозначенные углы (Алексеева 1992, рис. 2/2). Значительно расходятся сведения о месте погребения в кургане: в первой работе оно находится в к западу от центра, во второй – к востоку от него. Точно таким же образом на указанных рисунках не согласуются данные о положении скелетов. В первом случае они расположены в вытянутой позе, тогда как во втором – один из них лежит в скорченной позиции, по-видимому, на спине, хотя в первой работе автор утверждает, что оба скелета находились именно в вытянутом положении (Алексеева 1976, 181). Неясным остается и стратиграфическое соотношение рассматриваемого погребения с другими энеолитическими комплексами. Согласно наблюдениям И.Л. Алексеевой (1976, 181; 1992, 47-49), погребение 17, расположенное в стороне от центра кургана, было перекрыто одной насыпью с позднеэнеолитическими погребениями 20 и 21. Затем первая насыпь была окружена кромлехом из массивных плит и рвом. Однако в публикации 1992 г. вполне ясно показано, что погребение 17 прорезает кромлех и, следовательно, является более поздним по отношению к основному энеолитическому погребению 20, перекрытому первой насыпью. Скорее всего, рассматриваемое погребение является впускным в первую или последующие насыпи, как и расположенное рядом погребение 18 ямной культуры. В целом, противоречивость информации о кургане 1 у г. Арциза ставит под сомнение энеолитический возраст погребения 17, хотя В.Г. Петренко и отнес его к посттрипольской культуре (Петренко 2009, 17).

В некоторых случаях вытянутые захоронения в овальных ямах занимали стратиграфически более позднее положение в курганах с основными погребениями времени позднейшего Триполья. Такая ситуация была прослежена, например, для погребений Холмское 5/7а (Черняков и др. 1986, 89) и Корлэтедь 1/2

(Comşa 1982). Возможно, в эту же группу следовало бы включить и погребения Бурсучень 1/11 (Яровой 1979, 492) и Кубей 23/13 (Субботин и др. 2000, 92), которые были впускными в курганы позднего энеолита или позднетрипольского времени, однако точная форма могильных камер здесь не была установлена.

К числу единичных относится случай, когда захоронение 1/9 в овальной яме в Болградском могильнике оказалось впускным при основном ямном погребении (Субботин Л.В., Шмаглий 1970, 118). Такая стратиграфическая ситуация выглядела настолько необычной, что В.А. Дергачев (1986, 98) счел возможным отнести это захоронение к катакомбной культуре, а Е.В. Яровой (1985, Приложение 1) зарегистрировал его в своей сводке как основное, то есть поменял местами с ямным погребением, которое авторами раскопок было определено как центральное. Действительно, по составу погребального инвентаря, включавшему медные бусы, подвеску из оленьего зуба и так называемую «фаллическую» костяную подвеску, данный комплекс вполне может соответствовать энеолитическому горизонту, хотя, как справедливо отмечает Ю.Я. Рассамкин, сходные изделия встречаются и в более поздних комплексах бронзового века (Rassamakin 1999, 116).

Таким образом, согласно своему стратиграфическому положению, погребения в овальных камерах с вытянутыми костяками могут относиться к энеолитическому периоду, а также ко времени усатовской группы. В то же время, они всегда предшествуют захоронениям ямной культуры в Карпато-Днестровских землях, что многократно подтверждалось данными курганный стратиграфии. Единственный пример обратного стратиграфического взаиморасположения ямного и вытянутого погребений, отмеченный в кургане 1 Болградского могильника, по-видимому, может объясняться какими-то погрешностями в полевой фиксации материалов или же данный комплекс действительно каким-то образом связан с катакомбной культурой.

Инвентарь в погребениях с крупными овальными ямами встречается крайне редко и, в сущности, не обладает какими-то ярко выраженными специфическими чертами. В погре-

бениях из Болграда 1/9 (Субботин, Шмаглий 1970, рис. 10/6) и Десантного 1/17 (Алексеева 1976, рис. 3/9) содержались зубы оленя или их имитации, однако они не могут выступать в качестве надежного культурно-хронологического критерия, поскольку характерны для самых различных культур неолита, энеолита и бронзового века Восточной и Юго-Восточной Европы. Костяная «фаллическая» подвеска из Болграда 1/9 (Субботин Л.В., Шмаглий 1970, рис. 10/6), действительно, находит параллели в материалах Карбунского клада периода раннего энеолита, однако аналогичные изделия известны и в более позднее время, например, в погребениях раннего бронзового века Центральной Европы. Не отличаются особым своеобразием и кремневое сверло из Красного 9/9 (Серова, Яровой 1987, рис. 25/3), кремневый скребок из Холмского 1/9 (Черняков и др. 1986, 57) и каменные песты из Кочковатого 30/2 (Ванчугов и др. 1992, рис. 7/4, 5). Дисковидная перламутровая подвеска из Арциза 1/17, якобы свидетельствующая о раннеэнеолитическом возрасте погребения (Алексеева 1976, рис. 3/6), в действительности оказалась с этим погребением не связанной (Петренко 2009, 17, сноска 1).

Не совсем понятным остается характер керамики, обнаруженной в погребениях Суворово 1/1 (Алексеева 1976, 181, рис. 3/3) и Холмское 1/9 (Черняков и др. 1986, 57). В Суворово поверхность фрагментов сосуда из глины с примесью толченой ракушки была покрыта гребенчатыми расчесами, тогда как в Холмском в погребении находились фрагменты, по-видимому, трипольского сосуда из красной глины и обломки горшка из глины с примесью ракушки. Фрагменты из Суворово по своему облику и технологии изготовления весьма напоминают керамику культуры Чернавода I, что, возможно, указывает на позднеэнеолитическую датировку данного комплекса.

В целом рассматриваемая группа захоронений отличается достаточно архаичным обликом, что проявляется в соответствующих обрядовых признаках и стратиграфической позиции. Не исключено, что нижняя хронологическая граница этой обрядовой традиции может проходить где-то на уровне таких культурных подразделений, как Гумельница и Кукутень А - Триполье В 1, еще до появления курганов как

таковых. На это может, в частности, указывать бескурганное охровое погребение из Лунгочь-Фундень, идентифицированное Д. Ляху и В.Г. Петренко как энеолитическое (Dragomir 1976; Leahu 1992; Петренко 1993, 16-18)¹. Не исключено, что к раннеэнеолитическому периоду может относиться периферийное, по-видимому, также бескурганное погребение 3/1 в Петрешть на Среднем Пруте, содержавшее кремневую пластину, медное шило и медные бусы (Яровой 1986). Следует отметить, что значительная древность вытянутых погребений в овальных ямах кажется особенно очевидной при их сопоставлении с другими типологически близкими комплексами Карпато-Поднепровья.

Вторую группу комплексов с вытянутым обрядом захоронения образуют могилы, устроенные в узких продолговатых ямах, как правило, прямоугольной формы. По значительному количеству показателей данные погребения во многом соответствуют захоронениям первой группы, однако наряду с этим наблюдаются определенные различия как стратиграфического, так и типологического порядка.

В рамках рассматриваемой группы прослеживаются два относительно самостоятельных варианта, за которыми могут скрываться какие-то культурные или хронологические различия. Первый из них представлен захоронениями, где усопшие были ориентированы в восточном секторе, а второй образуют погребения с противоположной ориентировкой. Разница между этими двумя вариантами заключается не только по указанному признаку, но и по некоторым другим показателям.

Погребения первого варианта (рис. 2/1, 2) наиболее близки захоронениям первой группы в овальных камерах. Для них, кроме одинаковой ориентировки, также характерны различные виды перекрытий могильных ям, включая дерево и камень, охровая посыпка останков погребенных и дна камер. В Северо-Западном Причерноморье они, с одной стороны, стратиграфически предшествуют погребальным ком-

плексам ямной культуры, например, Огородное III 1/12 (Субботин и др. 1984, 110), с другой – бывают впускными в курганы позднего энеолита и усатовской культуры, что было зафиксировано в Никольском 8/7 (Агульников, Сава 2004, 95) и Желтом Яре 5/13 (Субботин, Петренко 1994, 96). Такое же стратиграфическое соотношение отмечается и для лесостепной зоны, например, в Тимково 1/15 где вытянутое погребение в узкой камере предшествовало захоронениям ямной культуры (Островерхов и др. 1983, 83-84). До сих пор не зарегистрировано ни одного случая, когда захоронение с восточной ориентировкой перекрывало бы ямные погребения или было перекрыто другими энеолитическими комплексами.

В отличие от погребений первого варианта в захоронениях с западной ориентировкой (рис. 2/4) полностью отсутствуют охра и каменные перекрытия могил. Стратиграфическое положение этих погребений очень выдержанное: они всегда находятся в основании курганов и никогда не впускались в инокультурные курганные насыпи. Их соотношение с погребениями других энеолитических культурных групп остается не до конца ясным, поскольку стратиграфически за ними следуют только захоронения ямной культуры. Такая ситуация прослеживается как в степной, так и в лесостепной зоне, к примеру, для погребений Казаклия 19/6 (Бейлекчи и др. 1985), Окница 7/14 (Манзура и др. 1992, 79), Варатик 1/12 (Ларина 1989) и Новые Дуруиторы 2/12 (Яровой 1985, Приложение 1).

Хронологическая позиция захоронений обоих вариантов второй группы определяется лишь в самых общих чертах. Тот факт, что они постоянно предшествуют в курганах погребениям ямной культуры при полном отсутствии обратной стратиграфической связи, по-видимому, свидетельствует об их хронологическом приоритете по отношению к комплексам раннего бронзового века. В то же время нет никаких прямых доказательств в пользу слишком древнего возраста этой группы захоронений, поскольку в стратиграфическом аспекте, по крайней мере, могилы с восточной ориентировкой костяков являются вторичными как для усатовских погребений, так и для комплексов позднего энеолита. Более точное хронологическое положение рассматриваемых

¹ В румынской археологической литературе определение «întins pe spate» (дословно «вытянутый на спине») иногда употребляется и по отношению к погребениям со скелетами, скорченными на спине. В силу этого погребение из Лунгочь вполне могло быть не вытянутым, а скорченным, что невозможно точно установить из-за отсутствия детального описания и рисунка.

захоронений установить довольно сложно, так как они вовсе лишены погребального инвентаря. Вполне возможно, что к этой серии относится основное погребение 28 в кургане у г. Слободзея, устроенное в узкой продолговатой камере с широтной ориентировкой, окруженное кромлехом и рвом (Щербакова и др. 2008, 33-35). К сожалению, погребение оказалось полностью разрушенным, однако происходящие из него предметы вполне соответствуют материалам усатовской культуры, маркируя тем самым хронологическую позицию этого комплекса. В целом же, погребения в узких продолговатых ямах не обнаруживают тех архаичных черт, которые наблюдаются в захоронениях первой группы и, вероятно, синхронны только ее сравнительно поздним комплексам. В рамках относительной хронологии они, скорее всего, могут быть одновременны периодам Кукутень В - Триполье В II-С II, хотя нижняя граница здесь дается очень приблизительно.

Третья группа вытянутых захоронений отличается от двух предыдущих четко оформленными прямоугольными камерами, как правило, достаточно больших размеров. Для этих погребений характерно широкое использование охры, только деревянное перекрытие могил, ориентировка в западном и восточном направлениях. Последний признак вряд ли имеет принципиальное значение, поскольку погребения нередко расположены в полах курганов, и в этом случае их ориентировка подчиняется особым правилам курганной планировки, практикуемым для периферийных захоронений ямной культуры.

В целом захоронения третьей группы, безусловно, являются позднейшими по сравнению с другими погребениями с вытянутыми костяками. По своему характеру они более всего отвечают начальному этапу бронзового века, что документируется данными курганной стратиграфии и соответствующими обрядовыми признаками. По всей вероятности, целесообразно рассматривать их в рамках ямной культуры, где вытянутая поза погребенных была обусловлена какими-то отклонениями от стандартизированных ритуальных канонов. Такому выводу не противоречит и погребальный инвентарь, обнаруженный в погребении Етулия I 1/14 и состоявший из деревянной повозки и типично ямного сосуда (Серова 1981, 67-68).

Таким образом, сравнительный анализ могильных комплексов с вытянутым положением погребенных, распространенных в Карпато-Днестровских землях, показывает, что типологические и стратиграфические различия между тремя выделенными группами захоронений, по-видимому, могут отражать их относительную разновременность. Наиболее архаичной выглядит первая группа, охватывающая погребения в просторных овальных или близких к овалу камерах. Ее нижнюю хронологическую границу по целому ряду признаков, по-видимому, можно опустить где-то до уровня второй половины V тыс. до н.э., что синхронно этапу Кукутень А-Триполье В I. В этом случае не исключено, что некоторые комплексы хронологически соответствуют бескурганам погребениям суворовской группы, хотя доказательств этому чрезвычайно мало. Стратиграфические данные свидетельствуют, что эта обрядовая традиция далее продолжает существовать на протяжении всего энеолитического периода вплоть до начала раннего бронзового века. На ранней стадии ямной культуры обычай вытянутого погребения в овальных ямах как будто перестает практиковаться, хотя впоследствии изредка встречается в катакомбной культуре на рассматриваемой территории (Дергачев 1984, 98).

Менее очевидной представляется хронологическая позиция погребений второй группы, устроенных в узких продолговатых ямах. В настоящее время отсутствуют веские доказательства слишком раннего возраста подобных захоронений. Тем не менее, и по курганной стратиграфии, и по некоторым контекстуальным признакам могилы этого типа, скорее всего, соответствуют энеолитическому времени, тем более что в период ранней бронзы они практически не известны. Предварительно их можно синхронизировать с относительно поздними комплексами первой группы, что в абсолютном исчислении, вероятно, должно соответствовать IV тыс. до н.э., или с промежутком от финала Кукутень А-В - Триполье В II до этапа Триполье С II включительно.

Третья группа вытянутых захоронений, совершенных в четко оформленных прямоугольных камерах, обладает довольно ясными хронологическими и культурными параметрами. Фактически по всем показателям, за исключением

вытянутой позы погребенных, эта группа могильных комплексов должна рассматриваться в границах второго этапа раннего бронзового века, что отвечает днестровскому варианту ямной культуры, по В.А. Дергачеву (1986). Исходя из абсолютной датировки, принятой для днестровского варианта, время бытования третьей группы вытянутых погребений в общих чертах, вероятно, следует отнести к первой половине III тыс. до н.э.

Если принадлежность некоторых вытянутых захоронений раннего бронзового века к памятникам ямной культуры Карпато-Днестровского региона находит подтверждение в целой серии прямых и косвенных доказательств, то культурная принадлежность предшествующих, в особенности древнейших, комплексов сходного облика предстает далеко не однозначной. В поисках генетических истоков этой обрядовой традиции исследователи, как правило, ориентированы на восток, где обычай размещения умерших в вытянутой позе на спине широко практиковался на неолитических могильниках днепро-донецкой и мариупольской культурных областей (Алексеева 1976, 184-185; Дергачев 1986, 71-72).

Вместе с тем, вытянутое положение погребенных, по сути, является единственным показателем, связывающим эти два территориально обособленных образования, если конечно не считать некоторые, в общем-то, культурно индифферентные признаки (преобладающая ориентировка погребенных на восток, кремневые изделия, подвески из оленьих зубов и др.). В то же время, различия между ними настолько очевидны, что здесь трудно заподозрить какую-то генетическую сопряженность. Действительно, с одной стороны, мы наблюдаем безусловное преобладание индивидуальных погребений под курганными насыпями, часто весьма умеренное употребление охры или полное ее отсутствие, строительство каменных сооружений, наличие, пусть редкое, артефактов карпато-балканского происхождения, с другой – коллективные захоронения в грунтовых могильниках, довольно специфический и регионально локализованный инвентарный набор, интенсивное использование охры в похоронном ритуале, отсутствие каменных конструкций. Если к приведенному сравнению добавить то обстоятельство, что вытя-

нутое положение умерших в равной степени присуще культурам балканского мезолита, неолита и энеолита, тогда вообще становится непонятным, на чем может строиться взаимосвязь между рассматриваемыми культурными группами. Достаточно сказать, что практически в непосредственной близости от западной границы региона расположен крупный энеолитический могильник Брэилица, где большинство погребений содержало вытянутые на спине скелеты (Harțușe 2002).

В этом контексте привлекает внимание небольшой грунтовый могильник с индивидуальными вытянутыми погребениями, открытый у с. Сакаровка в северной части Республики Молдова (Ларина, Дергачев 2003). Памятник был отнесен авторами раскопок к культуре мариупольского круга, хотя в действительности речь может идти скорее о его мезолитическом варианте, что в частности подтверждается результатами антропологического анализа (Круц и др. 2003, 115-117). Если данное предположение правомерно, то можно утверждать о чрезвычайно глубокой древности рассматриваемого обряда в Карпато-Днестровском регионе. В силу этого, вероятно, необходимо более осторожно относиться к прямолинейным сопоставлениям карпато-днестровских материалов и культур мариупольского круга.

Тем не менее, к востоку от Днестра очерчивается группа энеолитических памятников, которые типологически достаточно близки вытянутым захоронениям Северо-Западного Причерноморья. Речь идет об аналогичных подкурганых комплексах с вытянутыми костяками, особенно плотно сосредоточенных в бассейне Днепра и Северского Донца. Проблема их культурной атрибуции относится к разряду весьма дискуссионных, что нашло отражение в существовании нескольких относительно противоречивых исследовательских подходов.

Согласно одному из них, вытянутые погребения Днепро-Донецкого региона связаны с различными культурными единицами, включая среднестоговскую, ямную и нижнемихайловскую культуры, и, следовательно, вряд ли могут составлять какое-либо обособленное подразделение (Шапошникова 1987; Телегин 1987). В рамках другого подхода, развиваемого И.Ф. Ковалевой (1984, 4-63), вытянутые погребения Поднепровья образуют самосто-

тельную постмариупольскую культуру, обладавшую строго очерченными типологическими и пространственно-временными параметрами. Ее ядро располагалось в бассейнах Нижнего Днепра и Северского Донца, а также в Северном Причерноморье, хотя сходный погребальный обряд в эпоху энеолита и на заре бронзового века встречался в курганах и других областях степной и лесостепной зоны Восточной Европы. Впоследствии эта группа погребальных памятников была объединена с поселенческими материалами квинянского типа в отдельное культурное явление с таким же названием, то есть квинянскую культуру (Rassamakin 1994, 39-40; 1999, 83-87).

Следует отметить, что в таксономическом отношении комплексы с вытянутыми захоронениями, сконцентрированные в Азово-Днепровском регионе, безусловно, заслуживают статуса самостоятельной культуры. Их отличает достаточно жесткое сочетание основных обрядовых элементов, сравнительно стандартизированный набор инвентаря, включающего определенные типы костяных и металлических украшений, кремневых и костяных орудий, антропоморфной пластики и керамических изделий.

По некоторым чертам погребального ритуала наблюдается некоторое сходство днепровских и карпато-днестровских памятников, поэтому не вызывает удивления, что возникновение последних обычно связывают с проникновением носителей квинянской культуры в период ее наивысшей активности на территорию Карпато-Днестровского региона (Rassamakin 1994, 40; 1999, 116; Ковалева 2002, 64). Иными словами, вытянутые погребения рассматриваются в качестве одного из территориальных подразделений постмариупольской (квинянской) культуры.

Такая однозначная идентификация памятников Карпато-Днестровских земель порождает целый ряд вопросов. Во-первых, какие именно признаки кроме таких широко распространенных показателей, как вытянутое положение скелетов и наличие курганной насыпи, свидетельствуют о генетической связи между этими региональными группами? Во-вторых, когда именно можно ожидать, с точки зрения относительной и абсолютной хронологии, продвижение носителей квинянской культуры

на запад и как это согласуется с датировкой последней на исконной территории и ситуацией в Карпато-Днестровском регионе? В-третьих, какие иные направления связей можно предположить, отыскивая истоки рассматриваемого культурного явления?

По всей вероятности, можно констатировать, что такие признаки как вытянутая поза и курганный обряд погребения являются слишком общими, чтобы выводить из них категоричное заключение о взаимосвязи днепровских и карпато-днестровских комплексов. Как уже отмечалось, вытянутое положение скелетов присуще самым различным культурам балканского неолита и медного века. К тому же аналогичное размещение погребенных в вытянутой позе под курганами является одной из самых устойчивых черт погребального обряда соседней культуры воронковидных кубков. Следует ли на этом основании последнюю также выводить из постмариупольской или квинянской культуры?

Как уже отмечалось выше, традиция хоронить усопших в вытянутой позе на спине в Карпато-Днестровском регионе, который издревле был тесно связан с миром карпато-балканских культур, может обладать очень глубокими корнями, восходя к эпохе мезолита. В силу этого нельзя полностью исключить вероятности, что эта традиция продолжала развиваться на местной основе и в более поздние периоды. С другой стороны, материалы Азово-Днепровского региона показывают, что здесь значительная часть подкурганных вытянутых захоронений характеризуются довольно поздними чертами, соответствующими скорее этапу Триполье С II. Показательно, что именно тогда мы можем проследить резкое повышение мобильности различных культурных групп от Дуная до Волги и Кавказа и именно тогда мы обнаруживаем в одном из позднеусатовских погребений Северо-Западного Причерноморья фигурные костяные пронизи постмариупольского типа (Малюкевич, Петренко 1993, рис. 5/2). Учитывая то обстоятельство, что нижняя хронологическая граница постмариупольской (квинянской) культуры определяется периодом, синхронным самой ранней фазе Кукутеня А-В - Триполье VI/VII или первой половиной IV тыс. до н.э. (Rassamakin 2004/I, 184), то к гипотезе о восточных генетических корнях вытянутого обряда в Карпато-Днестровских землях, по-видимому, необходимо относиться более осторожно.

Действительно, по крайней мере часть бескурганых вытянутых захоронений в пространстве между Карпатами и Днестром, например, Лунгочь, возможно, соотносится с периодом Кукутень А - Триполье В I и, таким образом, хронологически предшествует днепровским комплексам постмариупольской (квитянской) культуры. Формальное сходство по таким компонентам, как наличие курганов, вытянутая поза, аналогичная форма могильных ям не в состоянии скрыть отсутствие взаимосвязей по другим важным показателям, поскольку в вытянутых погребениях западного ареала пока не обнаружено ни одного сугубо специфического признака квитянской культуры. По этому показателю западные и восточные комплексы выглядят достаточно изолированными культурными явлениями. Бросается в глаза их пространственная обособленность, так как на глубинных территориях между Днестром и Днепром до настоящего времени не открыто ни одного надежно атрибутируемого раннего погребения с вытянутым труположением. Все это открывает возможность искать истоки рассматриваемого феномена в том числе и в иных территориальных границах, в иной культурной среде.

При картографировании вытянутых погребений Карпато-Днестровских земель бросается в глаза то, что значительная их часть тяготеет к Нижнему Пруту и Дунаю, или к зоне Дунайских озер, то есть к бывшему ареалу культуры Болград-Алдень и прилегающим районам (рис. 1). Предметы погребального инвентаря наиболее древних по своему облику захоронений находят прямые аналогии среди материалов раннеземледельческих культур карпато-балканского круга. К таковым, например, относятся дисковидных бусины из раковин *Unio*, происходящие из Лунгочь-Фундень и имеющие широкие параллели в различных земледельческих культурах (Манзура 2000, 261-262). Подвески из просверленных зубов оленя наподобие тех, что были найдены в Десантном 1/17 или Болграде 1/9, также являются весьма распространенным видом украшений в энеолитических культурах раннеземледельческого ареала, причем в Азово-Днепровском регионе после исчезновения могильников мариупольского типа они почти не встречаются. И, наконец, золотые коль-

ца и браслет из погребения в Лунгочь-Фундень следует считать безусловным продуктом карпато-балканской металлообработки. К сказанному можно добавить, что вытянутое размещение погребенных относится к числу наиболее устойчивых обрядовых признаков в могильниках карпато-балканского энеолита, где подобная позиция присуща, прежде всего, мужским индивидуумам. Правда, здесь почти не известны подкурганные захоронения, за исключением, может быть, погребения у Андалкёя (Schuchhardt, Traeger 1919), но этот тип погребальных памятников и к востоку от Днестра появляется не на самой ранней стадии энеолитической эпохи. Взятые в совокупности, особенности пространственного распределения памятников, типология могильного инвентаря и черты похоронного ритуала вытянутых захоронений Карпато-Днестровского региона, вероятно, не исключают вероятность существования местной генетической подосновы данной обрядовой традиции. В то же время, пока нет достаточных оснований для объединения всех подкурганных погребений с вытянутым положением скелетов в отдельную археологическую культуру. Вполне вероятно, что часть этих комплексов представляют собой какое-то отклонение от установленных обрядовых норм в рамках другой погребальной традиции, что нередко встречается в самых различных европейских культурных объединениях эпохи энеолита и бронзового века. Помимо этого, нельзя исключить вероятность, что некоторые вытянутые погребения, особенно поздние, действительно связаны с постмариупольской (квитянской) культурой, наиболее активно развивавшейся в период позднейшего Триполья. По крайней мере, фигурные костяные пронизи из Садового могут косвенно указывать на присутствие носителей данных культурных традиций в рассматриваемом регионе. В любом случае, вероятно, можно заключить, что проблема вытянутых подкурганных погребений в Северо-Западном Причерноморье и на прилегающих территориях еще весьма далека от окончательного решения. Определенные позитивные сдвиги в изучении этого явления, возможно, могут наметиться при широком использовании метода радиоуглеродного датирования, а также антропологическом и серологическом анализе останков погребенных.

Библиография

- Агульников, Сава 2004:** С.М. Агульников, Е.Н.Сава, Исследования курганов на левобережье Днестра (Кишинэу 2004).
- Алексеева 1976:** И.Л. Алексеева, О древнейших энеолитических погребениях Северо-Западного Причерноморья. МАСП 8, 1976, 176-186.
- Бейлекчи и др. 1985:** В.С. Бейлекчи, С.М. Агульников, А.Ю. Чирков, Отчет о работе Буджакской ново-строечной экспедиции в 1985 г. Архив НМАИМ, № 231.
- Борзияк 1984:** И.А. Борзияк, Раскопки кургана у с. Этулия в 1979 г. В сб.: (Отв.ред. И.И. Артеменко) Курганы в зонах новостроек Молдавии (Кишинев 1984), 76-89.
- Ванчугов и др. 1992:** В.П. Ванчугов, Л.В. Субботин, А.Н. Дзиговский, Курганы приморской части Днестро-Дунайского междуречья (Киев 1992).
- Дворянинов и др. 1985:** С.А. Дворянинов, А.Н. Дзиговский, Л.В. Субботин, Раскопки курганной группы у с. Вишнево. В сб.: (Отв. ред. В.Н. Станко) Новые материалы по археологии Северо-Западного Причерноморья (Киев 1985), 132-173.
- Дергачев 1984:** В.А. Дергачев, Курганы у с. Гура-Быкулуй. В сб.: (Отв.ред. И.И. Артеменко) Курганы в зонах новостроек Молдавии (Кишинев 1984), 3-36.
- Дергачев 1986:** В.А. Дергачев, Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы (Кишинев 1986).
- Ковалева 1984:** И.Ф. Ковалева, Север Степного Поднепровья в энеолите-бронзовом веке (Днепропетровск 1984).
- Ковалева 2002:** И.Ф. Ковалева, Стратифицированные энеолитические курганы в Криворожском течении Ингульца. В сб.: (Отв. ред. Е.В. Яровой) Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. - V в.н.э.) (Тирасполь 2002), 77-81.
- Круц и др. 2003:** С.И. Круц, А.П. Бужилова, А.М. Варзарь, Антропологические материалы из неолитического могильника Сакаровка I. РА 2, 2003, 104-118.
- Ларина 1989:** О.В. Ларина, Новые курганные материалы энеолита-ранней бронзы на Среднем Пруте. В сб.: АИМ в 1984 г. (Кишинев 1989), 61-76.
- Ларина, Дергачев 2003:** О.В. Ларина, В.А. Дергачев, Могильник мариупольского типа в Молдавии. РА 2, 2003, 92-103.
- Малюкевич, Петренко 1993:** А.Е. Малюкевич, В.Г. Петренко, Усатовский комплекс с фигурными про-низиями из кургана в низовьях Днестра. В сб.: (Отв. ред. С.Б. Охотников) Древнее Причерноморье. КСО-АО (Одесса 1993), 25-30.
- Манзура 2000:** И.В. Манзура, Владеющие скипетрами. Stratum plus 2, 2000, 237-295.
- Манзура и др. 1992:** И.В. Манзура, Е.О. Ключко, Е.Н. Савва, Каменные курганы (Кишинев 1992).
- Островерхов и др. 1983:** А.С. Островерхов, Л.В. Субботин, А.В. Субботин, Курган эпохи энеолита-бронзы у с. Тимково. В сб.: Археологічні дослідження в Україні 1991 р. (Луцьк 1993), 83-84.
- Петренко 1993:** Относительно места в степном энеолите ряда памятников Днестровско-Дунайского реги-она. В сб.: (Отв. ред. С.Б. Охотников) Древнее Причерноморье. КСОАО (Одесса 1993), 16-19.
- Петренко 2009:** В.Г. Петренко, Проблема «Триполье и степь» и памятники энеолита-ранней бронзы Се-веро-Западного Причерноморья. МАСП 9, 2009, 10-38.
- Серова 1981:** Н.Л. Серова, Исследование кургана у с. Этулия. В сб.: АИМ в 1974-1976 гг. (Кишинев 1981), 58-70.
- Серова, Яровой 1987:** Н.Л. Серова, Е.В. Яровой, Григориопольские курганы (Кишинев 1987).
- Субботин и др. 2000:** А.В. Субботин, Л.В. Субботин, А.С. Островерхов, Тимковский курган в свете про-блем степного энеолита и культур бронзового века. В сб.: (Отв. ред. Е.В. Яровой) Чобручский археоло-гический комплекс и древние культуры Поднепровья (Тирасполь 2000), 80-95.
- Субботин 1991:** Л.В. Субботин, О культурно-хронологическом месте древнейших вытянутых погребений Буджакской степи. В сб.: (Отв. ред. Е.В. Яровой) Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Се-верного Причерноморья (V тыс. до н.э.- V в.н.э.) (Киев 1991), 71-72.
- Субботин, Шмаглий 1970:** Л.В. Субботин, Н.М. Шмаглий, Болградский курганный могильник. МАСП 6, 1970, 116-129.
- Субботин и др. 1984:** Л.В. Субботин, А.Н. Дзиговский, В.Н. Майоров, Охранные раскопки кургана у с. Огородное. В сб.: (Отв.ред. Г.А. Дзис-Райко). Северное Причерноморье (материалы по археологии) (Киев 1984), 104-111.

- Субботин, Петренко 1994:** Л.В. Субботин, В.Г. Петренко, Курганный могильник усатівського типу Жовтий Яр. Археологія 1, 1994, 93-104.
- Телегін 1987:** Д.Я. Телегін, Культурна належність і датування випростаних енеолітичних поховань степового Подніпров'я. Археологія 60, 1987, 17-30.
- Черняков и др. 1986:** И.Т. Черняков, В.Н. Станко, А.В. Гудкова, Холмские курганы. В сб.: (Отв. ред. В.Н. Станко) Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья (Киев 1986), 53-96.
- Шапошникова 1987:** О.Г. Шапошникова, Эпоха раннего металла в степной полосе Украины. Древнейшие скотоводы степей Юга Украины (Киев 1987), 5-16.
- Щербакова и др. 2008:** Т.А. Щербакова, Е.Ф. Тащи, Н.П. Тельнов, Кочевнические древности Нижнего Поднестровья (Кишинев 2008).
- Яровой 1979:** Е.В. Яровой, Охранные раскопки кургана у с. Бурсучены. В сб.: АО 1978 г. (Москва 1979), 491-492.
- Яровой 1985:** Е.В. Яровой, Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР (Кишинев 1985).
- Яровой 1986:** Е.В. Яровой, Отчет о полевых исследованиях Прутской новостроечной археологической экспедиции в 1986 году. Архив НМАИМ, № 252.
- Agulnikov, Paşa 2008:** S. Agulnikov, V. Paşa, Morminte eneolitice din regiunea Prutului Inferior. Peuce (S.N.) VI (XIX), 2008, 29-40.
- Comşa 1982:** E. Comşa, Morminte cu ocru descoperite la Corlăteni. Thraco-Dacica 3, 1982, 85-93.
- Dragomir 1976:** I.T. Dragomir, Două morminte ocromane din regiunea de sud a Moldovei. Muzeul național 3, 1976, 53-60.
- Hartuche 2002:** N. Hartuche, Complexul arheologic Brăițița (București 2002).
- Leahu 1992:** D. Leahu, Considerații asupra unor podoabe antice de aur de la Lungoci, Balaci și Moigrad. Cercetări arheologice 9, 1992, 114-117.
- Levički et al. 1996:** O. Levički, I. Manzura, T. Demcenco, Necropola tumulară de la Sărăteni (București 1996).
- Rassamakin 1994:** Yu.Ya. Rassamakin, The Main Directions of the Development of Early Pastoral Societies of Northern Pontic Zone: 4500-2450 BC (Pre-Yamnaya Cultures and Yamnaya Culture). Baltic-Pontic Studies 2, 1994, 29-70.
- Rassamakin 1999:** Yu. Rassamakin, The Eneolithic of the Black Sea Steppe: Dynamics of Cultural and Economic Development 4500-2300 BC. In: Levine M., Rassamakin Yu., Kislenco A. & Tatarintseva N. Late prehistoric exploitation of the Eurasian steppe (Cambridge 1999), 59-182.
- Rassamakin 2004/I:** Ju.Ja. Rassamakin, Die nordpontische Steppe in der Kupferzeit: Gräber aus der Mitte des 5. Jts. bis Ende des 4. Jts. v. Chr. (Teile I und II) (Mainz 2004).
- Schuchhardt, Traeger 1919:** C. Schuchhardt, P. Traeger, Aufgrabung zweier Tumuli bei Constanza. Praehistorische Zeitschrift 10 (1918), 150-155.

Înmormântări cu defunctul „întins” din epoca eneolitică în spațiul carpato-nistrean

Rezumat

În articol este discutată problema determinării culturale și cronologice a înmormântărilor tumulare cu defuncții întinși pe spate, răspândite în spațiul carpato-nistrean în epoca eneolitică. Din cauza lipsei inventarului unul din indicii de bază, utilizat pentru analiza complexelor, este forma camerei funerare. Sunt evidențiate trei grupe de bază de înmormântări: în gropi largi de formă ovală, în gropi înguste alungite și gropi largi de formă rectangulară. Primul grup pare a fi cel mai arhaic, rădăcinile lui merg până în a doua jumătate a mileniului V a. Chr., deși majoritatea complexelor trebuie datate cu mileniul IV a. Chr. În tumuli înmormântările acestui grup întotdeauna precedă înmormântările culturii „jamnaja”, uneori pe cele eneolitice târzii sau pe ale culturii Usatovo. În unele cazuri ele stratigrafic urmează după complexe eneolitice târzii sau cele ale culturii Usatovo. Înmormântările celui de al doilea grup sunt mai târzii și se datează cu mijlocul și a doua jumătate a mileniului IV a. Chr. Ele precedă numai complexe ale culturii „jamnaja”, însă pot urma după înmormântările eneolitice târzii sau ale culturii Usatovo. Complexele celui de al treilea grup, probabil reprezintă o variantă a ritualului funerar al culturii „jamnaja”.

Deosebirile în amenajarea camerelor funerare în cadrul unei și aceleași practici funerare (defunctul întins pe spate) pot fi explicate prin diferitele rădăcini ale acestei tradiții. Înmormântările primului grup, probabil, sunt legate de tradițiile neolitice și eneolitice din spațiul carpato-balcanic, iar cele din grupul al doilea reflectă unele influențe răsăritene. Grupul al treilea de complexe aparține cu siguranță culturii „jamnaja”.

Lista ilustrațiilor:

Fig. 1. Răspândirea înmormântărilor cu schelete „întinse” din perioada eneolitică și începutul epocii bronzului în Nord-Vestul Mării Negre: 1 - Corlăteni; 2 - Lungoci-Fundeni; 3 - Dumeni; 4 - Văratice; 5 - Duruitoarea Nouă; 6 - Bursuceni; 7 - Petrești; 8 - Sărăteni; 9 - Crihana Veche; 10 - Etulia; 11 - Cazaclia; 12 - Ogorodnoe III; 13 - Kubej; 14 - Bolgrad; 15 - Novosel'skoe; 16 - Suvorovo; 17 - Holmskoe; 18 - Desantnoe; 19 - Arciz; 20 - Beloles'e; 21 - Novoselica; 22 - Trapovka; 23 - Višnevoe; 24 - Kočkovatoe; 25 - Želtyj Jar; 26 - Ocnîța; 27 - Timkovo; 28 - Krasnoe; 29 - Bălăbănești; 30 - Talmaz; 31 - Nikol'skoe.

Fig. 2. Înмormântări cu schelete „întinse” din perioada eneolitică și începutul epocii bronzului în Nord-Vestul Mării Negre: 1 - Ogorodnoe III, 1/12; 2 - Timkovo, 1/5; 3 - Etulia, 1/14; 4 - Ocnîța, 7/14; 5 - Višnevoe, 11/10; 6 - Nikol'skoe, 8/7; 7 - Ocnîța, 6/24; 8 - Sărăteni, 2/3; 9 - Cahul, 1/15; 10 - Kočkovatoe, 30/2 (1 - după Субботин и др. 1984; 2 - după Островерхов и др. 1993; 3 - după Борзияк 1984; 4, 7 - după Манзура и др. 1992; 5 - după Дворянинов и др. 1985; 6 - după Агульников, Савва 2004; 8 - după Levițki și al. 1996; 9 - după Agulnikov, Pașa 2008, 10 - după Ванчугов и др. 1992).

Copper Age burials with “extended” skeletons in the Carpathian-Dniester region

Abstract

In the article the problem of cultural and chronological attribution of Copper Age graves with skeletons in extended position is discussed. Due to the almost complete absence of grave inventory in the burials the most reliable attribute for analysis is the shape of the grave chambers in combination with other elements (stratigraphic position, orientation of the dead, few items of grave goods, etc.). Three basic forms of chambers are distinguished: large oval pits, long narrow pits, and large rectangular pits. Graves with large oval pits possess the most archaic traits and probably can be recognized as the most ancient Copper Age contexts under barrows. The earliest graves can be dated to the second half of the 5th Millennium BC although all graves under barrows are, so far, dated from the 4th Millennium BC. The graves from this group in barrows always precede burials of the Pit-grave culture and sometimes burials of the late Copper Age Usatovo culture. In some barrows they can follow other Copper Age graves. The graves in long narrow pits seem to be later and, according to kurgan stratigraphy, always precede graves of the Pit-grave culture, but sometimes follow late Copper Age graves or burials of the Usatovo culture. The extended graves in large rectangular chambers can be considered as a variant within the funeral tradition of the Pit-grave culture. Distinctions between the groups under consideration can be conditioned by their different origins. Whereas the graves from the first group can represent the development of a local tradition related to the Balkan-Carpathian cultural milieu, the graves from the second group can reflect connection with eastern European cultures. At the same time the graves from the third group are related to the Pit-grave culture.

List of illustrations:

Fig. 1. Distribution of burials with “extended” skeletons in the Eneolithic and early Bronze Age periods in the northwestern Black Sea region: 1 - Corlăteni; 2 - Lungoci-Fundeni; 3 - Dumeni; 4 - Văratice; 5 - Duruitoarea Nouă; 6 - Bursuceni; 7 - Petrești; 8 - Sărăteni; 9 - Crihana Veche; 10 - Etulia; 11 - Cazaclia; 12 - Ogorodnoe III; 13 - Kubej; 14 - Bolgrad; 15 - Novosel'skoe; 16 - Suvorovo; 17 - Holmskoe; 18 - Desantnoe; 19 - Arciz; 20 - Beloles'e; 21 - Novoselica; 22 - Trapovka; 23 - Višnevoe; 24 - Kočkovatoe; 25 - Želtyj Jar; 26 - Ocnîța; 27 - Timkovo; 28 - Krasnoe; 29 - Bălăbănești; 30 - Talmaz; 31 - Nikol'skoe.

Fig. 2. Burials with “extended” skeletons in the Eneolithic and early Bronze Age periods in northwestern Black Sea region: 1 - Ogorodnoe III, 1/12; 2 - Timkovo, 1/5; 3 - Etulia, 1/14; 4 - Ocnîța, 7/14; 5 - Višnevoe, 11/10; 6 - Nikol'skoe, 8/7; 7 - Ocnîța, 6/24; 8 - Sărăteni, 2/3; 9 - Cahul, 1/15; 10 - Kočkovatoe, 30/2 (1 - after Субботин и др. 1984; 2 - after Островерхов и др. 1993; 3 - after Борзияк 1984; 4, 7 - after Манзура и др. 1992; 5 - after Дворянинов и др. 1985; 6 - after Агульников, Савва 2004; 8 - after Levițki și al. 1996; 9 - after Agulnikov, Pașa 2008, 10 - after Ванчугов и др. 1992).

14.09.10

Др. Игорь Манзура, Высшая Антропологическая Школа, ул. Зимбрулуй, 10-А, 2024 – Кишинэу, Республика Молдова, e-mail: igormanzura@mail.ru

